

С. А. ТОКАРЕВ

ИЗ ИСТОРИИ ЯКУТСКОГО НАРОДА¹

1

Древнейшая история Якутского края изучена еще очень слабо. В разных местах Центральной Якутии, по берегам Средней Лены, Алдана, Вилюя и других рек не раз находились неолитические орудия—шлифованные каменные топоры и пр. Повидимому, богатые рыбой реки и озера Якутии с древних времен давали пропитание рыболовецкому населению, происхождение и быт которого, однако, нам еще совершенно неизвестны.

На территории Якутии известны и находки бронзовых орудий, например, знаменитый меч из окрестностей оз. Сильгумджа (Вилюйского округа), длиной около 70 см. Но, по всей вероятности, эти предметы попадали сюда с юга: обработка бронзы едва ли была известна жителям Якутии.

В более позднее время мы находим здесь железо. Время появления его, как и время существования более ранних культур, трудно определить даже предположительно. Трудно также сказать, связан ли переход к железной технике в Якутском крае с расселением здесь тунгусских охотничье-оленоводческих родов или с более поздним моментом прихода с юга скотоводческих групп.

Появление и развитие скотоводческой культуры в бассейне Средней Лены есть факт огромнейшего значения, наложивший совершенно особый отпечаток на всю дальнейшую историю Якутского края. Вопрос о происхождении этой самой северной в мире скотоводческой культуры есть в то же время вопрос о происхождении ее носителя—якутского народа. В настоящее время это основная проблема древнейшей истории Якутии.

По этому вопросу существует целая литература. Еще в конце XVII и в XVIII в. было высказано мнение (Исбранд Идес, Страленберг, Миллер и др.) о том, что якуты—народ южного происхождения, живший некогда в Прибайкалье, а позже вытесненный оттуда на север. Эта точка зрения

¹ Материалом для настоящего очерка послужили, главным образом, архивные документы, хранящиеся в Москве (ГАФКЭ—фонды Сибирского приказа и Якутского областного управления), Ленинграде (Ленинградское отделение Института истории Академии наук СССР—якутские акты, Архив Академии наук СССР—фонд Миллера), Иркутске (якутские столбцы Иркутского музея) и Якутске (Центрархив ЯАССР—фонды Якутской воеводской канцелярии и др.). Для эпохи XIX в. использована историко-этнографическая литература, особенно материалы «Сибиряковской экспедиции» 1894—1896 гг., опубликованные, в основном, в сборнике Павлинова, Виташевского и Левентяля, «Материалы по обычному праву и общественному быту якутов», Ленинград, 1929, а также другие печатные источники. По новейшей эпохе часть материала собрана экспедицией Музея народов СССР в 1934 г.

господствует и доныне. Большинство исследователей относит переселение якутов на Среднюю Лену к эпохе XIII—XIV вв., некоторые (Г. В. Ксенофонов)—к более раннему времени. Другие авторы склонны помещать прародину якутов не в Прибайкалье, а на Верхнем Енисее. В последнее время стали обращать внимание на сложный и, повидимому, разноэтничный состав самой якутской народности: в ней оказалось немало элементов не только тюркского и монгольского, но и тунгусского и даже палеоазиатского происхождения. В связи с этим сама проблема формирования якутского народа представляется более сложной, чем это казалось раньше. Наметилась даже новая точка зрения, согласно которой формирование якутской народности, как этно-культурного целого, происходило на месте ее теперешнего обитания, причем в состав ее вошли как группы местного, севернотаежного происхождения, так и пришлые с юга степные скотоводческие элементы.

В пользу этой новой точки зрения, защищаемой, в частности, автором настоящей статьи, свидетельствуют факты и языковые, и этнографические, и исторические.

Данные лингвистики при решении проблемы якутского этногенеза использовались до сих пор лишь односторонне: принято ограничиваться указанием на турецкую структуру якутского языка и причислять его поэтому без оговорок к турецкой группе языков. Однако уже акад. Радлов подчеркивал (1908 г.) наличие в якутском языке, помимо турецкого слоя, иных, очень многочисленных элементов, частью монгольского, частью неизвестного происхождения. Исследования Радлова привели его к выводу, что якутский язык—по происхождению не турецкий и даже не монгольский, а язык неизвестной принадлежности, однако рано подвергшийся монголизации, а позже тюркизации, причем последнее тоже происходило не в один, а в два приема. В настоящее время как будто намечается возможность связать этот дотурецкий и домонгольский субстрат якутского языка с тунгусскими, а может быть, отчасти и с палеоазиатскими диалектами северной тайги.

Что касается этнографических данных, то они тоже говорят о сложном характере якутской культуры. В последней обнаруживается, наряду с элементами степного, кочевнического происхождения (скотоводство, некоторые формы одежды и пр.), очень мощный и, повидимому, более древний культурный пласт севернотаежного происхождения; сюда относятся охота и рыболовство, оленеводство, тип жилища, некоторые элементы костюма, шаманские верования и обряды и пр.

Обратившись к данным этнонимии, мы находим в числе названий родо-племенных группировок якутов часть таких, которые связывают якутов с кочевническим югом (батулинцы, туматы, эргиты, хоринцы и др.), но часть и таких, которые скорее сближают якутов с тунгусами и могут быть поняты, как названия древних автохтонных племенных групп (бетунцы, оспеки и др.).

Все эти и некоторые другие факты приводят к выводу о том, что процесс формирования якутской народности был сложным процессом, протекавшим с участием как местных охотничье-рыболовецких групп, обитавших исстари в ленско-алданско-вилуйском междуречье, так и пришлых с юга скотоводческих элементов. Последние, принесшие с собой более высокий тип хозяйства и культуры, получили, очевидно, преобладание в создававшемся новом этническом целом; с этим связаны, например, тюркские элементы якутской речи. Но это проникновение с юга кочевнических

(тюркских и монгольских) элементов нельзя представлять себе таким упрощенным образом—в виде массового переселения целого народа,—как это делают сторонники традиционной теории «южного происхождения якутов». Это было медленное, разновременное просачивание, шедшее с разных сторон и разными путями (с верховьев Лены на Вилюй и на Среднюю Лену, с Шилки по Олекме и Алдану на Среднюю Лену), с неоднократным обратным движением, с сохранением связей между Средним Приленьем и Прибайкальем с верховьями Амура. Взаимоотношения же между пришлым и местным населением были гораздо более сложны и разнообразны, чем это опять-таки изображает старая теория, говорящая о «вытеснении» пришельцами-якутами аборигенов-тунгусов. Скорее следует предполагать преобладание мирных экономических и бытовых отношений между этими группами, что и привело мало-помалу к их сближению и слиянию в единую якутскую народность.

Однако все эти вопросы и вся эта древнейшая эпоха истории Якутии представляют собой в настоящее время лишь область догадок и предположений. Точные исторические известия о Якутии и якутах мы имеем только с момента появления здесь русских, т. е. с 30-х годов XVII в.

2

По многочисленным документам эпохи завоевания Якутии царизмом мы можем составить себе достаточно полное представление о социально-экономическом строе, быте и культуре якутов первой половины XVII в.

Якуты заселяли тогда, как и теперь, Ленско-Амгинское и Ленско-Вилюйское междуречья и часть бассейна Вилюя; вне этой компактной территории якуты жили близ устья р. Олекмы и на р. Яне. Они не имели единой общественно-политической организации, а делились на целый ряд независимых друг от друга племен («джон»): Самыми крупными из последних были племена мегинцев, кангаласов, намцев, бетунцев, борогонцев, батурусов; численность каждого из этих племен составляла (судя по русским ясачным книгам) от 2 до 5 тыс. человек. Помимо этого, известно несколько десятков более мелких племен или родо-племенных групп, частью независимых, частью входивших в то или иное из крупных племен.

Во главе племен и отдельных их подразделений стояли «тойоны», или «князцы» по терминологии русских документов,—военно-рабовладельческая аристократия. Это были военные вожди племен и родов. Во главе вооруженных отрядов, состоявших из их сородичей, рабов и всякого рода зависимых людей, тойоны совершали грабительские наезды на соседние роды и племена, угоняли у населения скот, захватывали рабов. Тойоны постоянно воевали друг с другом, устраивая взаимные вооруженные набеги. Русские документы середины XVII в. содержат немало описаний таких тойонских набегов.

Из множества мелких тойонов, возглавлявших небольшие родо-племенные группы, выделялись более крупные князьки, господствовавшие над целыми племенами. Самым известным из якутских тойонов в эпоху появления русских был кангаласский князь Тыгын, власть и могущество которого признавали не только кангаласцы, но и многие мелкие тойоны других племен. О Тыгыне, о его богатстве, силе, о его войнах и победах над другими племенами у якутов сохранились предания до настоящего времени. В этих преданиях фигура Тыгына, изукрашенная разными леген-

дарными чертами, превратилась в эпический образ героя-богатыря. Основываясь на этом, многие исследователи отрицали даже историческое существование Тыгына, видя в легендах о нем лишь собирательный образ древнего якутского тойоната. Это мнение, однако, ошибочно. Документы того времени содержат прямые упоминания о «Тынине», кангаласском князце (погибшем, повидимому, в 1631 г.), и еще более о его многочисленных сыновьях, племянниках и внуках.

Из других крупных тойонов надо упомянуть намского Мымака, борогонского Лёгёя (Логуя русских документов), батурусского Очая, мегинских Буруху и Киртея и др.

Тойоны были владельцами больших стад скота, который в то время был уже предметом частной собственности и составлял главное богатство якутов. В русских актах упоминаются в отдельных случаях сотни голов рогатого скота и лошадей даже у средних и мелких тойонов.

Тойонский скот выпасался на общинных пастбищах. Общинно-родовое пользование пастбищными угодьями сохранялось у якутов не только в ту эпоху, но и гораздо позже, что, однако, нисколько не мешало тойонам фактически захватывать эти угодья, пуская на них свой скот. Но у якутов уже тогда существовало не только пастбищное, но и сенокосное хозяйство. Право пользования сенокосными угодьями, которых в таежной Якутии было не так много, составляло в эпоху появления русских предмет ожесточенной борьбы среди якутского населения. Как раз в это время шел процесс постепенного разложения общинной собственности на сенокосные угодья и развития частной собственности на них. Об этом свидетельствует целый ряд жалоб и споров о владении покосными угодьями; эти жалобы попадали в русский суд и дошли до нас. Самое раннее из таких дел относится к 1654 г.; оно касается спора между крупным мегинским тойоном, внуком Киртея—Девуни и средним тойоном того же мегинского племени Нокочо,—спора о праве владения одним сенокосом. Чем позже, тем чаще встречаются в документах подобные дела; за 1650-е годы упомянутое дело является единственным, за 1660-е годы их известно 5, за 1670-е—12 и т. д. Захватывали землю в частное пользование, главным образом, тойоны, хотя известны случаи присвоения земли и представителями других слоев населения.

Свое хозяйство тойоны вели, используя труд рабов. Русские документы называют этих рабов «холопами» (повидимому, перевод якутского «кулут») или иногда якутским словом «бокан» и сообщают нам о них очень много ценных сведений. Судя по ним, рабов было не так много: у отдельных тойонов было по 15—20 «холопей», более крупные цифры нам неизвестны; значительно чаще упоминаются 1—2—3 раба у одного владельца. Но и этого небольшого количества рабов хватало, чтобы обслуживать несложное хозяйство тойона, пасти и кормить его скот, косить сено, ловить рыбу, исполнять домашние работы и т. д.

Рабы имели по большей части свою семью и жили иногда в юрте хозяина, иногда своей особой юртой. Они владели даже небольшим имуществом: в документах упоминаются изредка 1—2 коровы, иногда 1 лошадь в хозяйстве раба; впрочем, очень вероятно, что этот скот принадлежал хозяину раба и предоставлялся последнему лишь в пользование.

Тяжелое положение большинства рабов, эксплуатация их хозяевами приводили, несмотря на сохранение внешней патриархальности в отношениях, к примитивным формам протеста со стороны рабов. Наиболее частой формой этого протеста был побег раба от хозяина. За вторую поло-

вину XVII в. по документам можно насчитать до 50 случаев таких побегов. Нередко побег был даже коллективным: бежали все рабы данного владельца. Например, в 1664 г. у намского тойона Ники, сына Мымака, бежало 11 его «холопей»; в том же году у тойона Селбуя Одураева бежало 8 рабов «с женами и с детьми своими»; в 1671 г. от бетунского тойона Акона бежали 8 «работных якутов» и 5 «жонок работных» и т. д. В подобных фактах, наряду с некоторыми другими, можно видеть зародышевые формы классовой борьбы.

Помимо настоящих рабов—«кулотов» («боканов»), существовала еще группа зависимых людей, которых наши источники именуют «вскормленниками». Это были в большинстве случаев бедные сородичи, воспитанные тойонами и бывшие на положении полурабов, мало отличающихся от подлинных рабов.

Тойоны и рабы составляли меньшинство населения. Основную же массу его составляли свободные общинники—«улусные люди», или «улусные мужики» наших источников. Это была в имущественном отношении далеко не однородная масса: более зажиточные ее слои примыкали к мелкому тойонату, наименее же обеспеченная часть, лишенная скота, составляла особую социальную группу «балыксытов»—буквально «рыболовов»; эта неимущая часть улусного населения кормилась, главным образом, рыбой и сосновой корой, обычной и в позднейшее время пищей якутской бедноты. Выражения: «живет на озерах и кормится рыбой и сосной, а скота у него ничего нет»,—встречаются довольно часто в документах того времени.

Этот низший слой свободного населения пополнялся за счет разорения членов родовых общин в результате, главным образом, тойонских военно-грабительских набегов. Очень часто, однако, «балыксытство» было лишь промежуточной ступенью для разорившихся общинников, которая вела их в дальнейшем к закабалению и порабощению у того или иного тойона. Класс рабов в значительной мере рекрутировался именно таким путем.

Родо-общинный быт у якутов того времени уже не господствовал, он разлагался под влиянием частной собственности и имущественного расслоения,—но пережитки его были еще сильны. Соблюдались родовые обычаи—экзогамия, кровная месть и выкуп за убийство. Межродовые столкновения, угон скота у чужеродцев и т. д.—все это было обычным явлением. Община распадалась, но она оставалась еще свободной: никаких оснований говорить о закреплении ее тойонами у нас нет. Нет данных также предполагать наличие прочно сложившихся форм эксплуатации тойонами свободных общинников. Тем самым не подтверждается высказывавшееся не раз историками мнение о господстве у якутов феодализма уже в эпоху до царского завоевания. Можно говорить, самое большее, лишь о предпосылках или зародышах феодального развития в ту эпоху.

Порождением древнего родо-племенного строя якутов был тот богатый, разнообразный, высокохудожественный народный эпос, который сохранился до наших дней и лишь в советскую эпоху подвергся серьезному изучению. Якутские богатырские сказания—«олонхо»—рассказы о подвигах древних витязей, о их силе, удали, блеске и пышности их жизни, якутские сказки, космогонические мифы и другие произведения народного творчества, отличающиеся богатством и поэтической образностью языка,—принадлежат к числу ценных памятников мирового фольклора.

3

Завоевание Якутии царизмом было продолжением того движения на восток, которое началось во второй половине XVI в. колонизационной деятельностью Строгановых и походом Ермака и которое имело своей основной целью стремление к захвату богатой пушным сырьем Сибири. Освоив в 1620-х годах бассейн Енисея, царские служилые люди и промышленники к началу 1630-х годов появляются на Лене.

Завоевание Ленского бассейна началось одновременно с двух сторон. В 1629 г. на Вилюе появился отряд мангазейских казаков, пришедших через Нижнюю Тунгуску. В 1631 г. вниз по Лене спустился отряд енисейского атамана Галкина. Енисейские служилые люди под командой сотника Петра Бекетова построили в 1632 г. на правом берегу Лены в земле бетунцев «острог» и, опираясь на него, в течение 1632—1633 гг., после сравнительно слабого и разрозненного сопротивления отдельных племен и их тойонов, подчинили себе все ближайшие якутские племена: мегинцев, дубсунцев, бетунцев, намцев, кангаласов и некоторых других.

Это подчинение выражалось в том, что тойоны—«князцы» племен и отдельных родов—принесли «шерть» (присягу) на верность московскому царю, уплачивали «ясак» соболиными шкурками и обязывались и в дальнейшем, «по вся годы», вносить этот ясак «с себя и с своих улусных людей».

С подчинением якутов Московскому государству для них началась полоса тяжелого колониального угнетения. Формы этого угнетения с годами менялись, менялась система управления завоеванным краем, оставалось неизменным тяжелое положение якутской массы.

Первые годы после завоевания Якутии были ознаменованы величайшим хаосом в колониальном хозяйничанье завоевателей. В новый край, богатый дорогой пушницей, нахлынули в большом числе служилые люди под командой своих атаманов—мангазейские, енисейские, томские и др. Отряды служилых людей ездили по якутским улусам, собирали ясак на «великого государя», еще больше грабили сами для себя, торговали привозимыми безделушками, выменивая на дешевый бисер ценные соболи меха и пр. Друг на друга эти отряды смотрели как на нежелательных конкурентов, и нередко были случаи столкновений и даже вооруженных стычек отдельных отрядов; в этих стычках участвовали иногда и якуты, сводившие таким путем свои межплеменные счеты; так, например, известно вооруженное столкновение в 1639 г. между отрядом томских казаков (атамана Копылова) и отрядом енисейского сына боярского Парфена Ходырева; к первому присоединились якуты накарцы, мегинцы и кангаласы, ко второму—сыланцы и батулинцы. Кроме служилых людей, в еще большем количестве бродили по Якутии группы промышленников, которые хищнически истребляли соболей и не меньше казаков грабили и притесняли якутов.

Этот открытый грабеж вызвал ряд восстаний со стороны якутов. В конце 1633 г. восстали алданские якуты, и это восстание в начале 1634 г. перекинулось на Лену, где соединенные силы ряда якутских племен разбили русский отряд атамана Галкина и 2 месяца держали в осаде Якутский острог. Восстание, однако, не привело к полному успеху вследствие межплеменной розни и нерешительности вожаков. Летом 1636 г. началось новое восстание, поднятое сначала бетунцами и подхваченное кангаласцами, которые при этом, однако, нападали не столько на русских, сколько на подчинившихся последним борогонцев—своих старых врагов. Только

в начале 1637 г. тому же Галкину удалось, взяв штурмом укрепления кангаласцев, подавить восстание и принудить якутов уплатить ясак. В конце 1639 г. вновь вспыхнуло восстание в восточных—алданских—улусах, взрывшееся в истреблении нескольких русских отрядов и групп служилых и промышленных людей. В этом восстании руководящую роль играл некто Оилга, представитель низов якутского населения, бескотный «балыксыт»; тойоны же в большинстве были на стороне завоевателей.

Эти восстания якутов и тот хаос в способах эксплуатации Якутского края, бывший непосредственной причиной их,—все это побудило московское правительство попытаться внести некоторый «порядок» в систему управления Якутским краем. В 1638 г. сюда были назначены особые воеводы.

Первый воевода, Петр Головин, приехавший в Якутский острог в 1641 г., сразу ввел режим самой жестокой эксплуатации населения, сильно повысив ясачное обложение и перейдя от первоначальной системы взимания ясака с целых родов—через их тойонов—к поголовному и индивидуальному обложению якутов. В этих целях он велел провести перепись скота и рабов по всем улусам. Эта мера, испугавшая и якутских тойонов и улусную массу, послужила поводом к новому и наиболее крупному, хотя и кратковременному, восстанию якутов в феврале—мае 1642 г. В этом восстании участвовали бегунцы, кангаласцы, мегинцы, намцы, одеицы и некоторые другие племена. Было перебито несколько отрядов служилых людей, посланных воеводой для переписи. Намечалось взятие Якутского острога, убийство воеводы Головина. Но и на этот раз из-за розни между отдельными племенами, а еще более из-за трусости и предательства большинства тойонов, план восстания провалился. Царские войска по частям разбили ополчения восставших, после чего началась полоса жестоких репрессий. Воевода Головин казнил и заморил в тюрьме многих участников восстания, а на оставшееся усмирненное население наложил еще более тяжелый ясак.

4

Восстание 1642 г. было последней организованной попыткой сопротивления якутских племен царскому завоеванию. Подавление его было в то же время окончательным покорением и «замирением» коренных якутских улусов. Завоевание окраин Якутии—бассейна Индигирки, Колымы, Оленка, Анабары и др.—растянулось еще на ряд десятилетий: жившие там охотничьи тунгусско-ламутско-юкагирские племена долго и упорно отстаивали свою независимость. В центральной же части Якутии уже с 1640-х годов установился режим единообразной и систематической эксплуатации населения, режим регулярного и методического колониального грабежа.

Одной из главных форм этого грабежа была ясачная система. Со времени Головина был введен поголовный, со всех взрослых мужчин, ясак, размер которого весьма колебался, от 1 лисицы или 1 соболя до 20 соболей и больше с человека. Уже и само по себе это было тяжелым бременем для якутов, которые, в отличие от тунгусских племен, не были охотниками и с трудом, часто лишь путем покупки, добывали нужную для уплаты ясака пушнину. Но еще более отягчалось ясачное обложение системой вымогательств и притеснений.

Ясак собирался с якутов двумя способами. В одних случаях, особенно из ближайших «волостей», ясак привозился в город самими якутами,—

чаще их тойонами. Последние, конечно, извлекали из этого для себя известную выгоду, ибо контроль над ними со стороны улусного населения был весьма затруднителен; воевода, лично принимавший от тойонов ясак, тоже не забывал о своем барыше: многочисленные свидетельства говорят о постоянных хищениях и вымогательствах со стороны воевод при сборе ясака. Другой способ ясачного сбора состоял в объезде якутских улусов казаками—ясачными сборщиками. В этих случаях именно последние выступали в роли грабителей, присваивая в свою пользу значительную часть собираемой пушнины, попутно отнимая у населения скот и другое имущество. Этот вид промысла был настолько выгодным, что казаки откупали по особой таксе у воевод право ездить по волостям за сбором ясака. Сохранились многочисленные жалобы якутов на «ясачных сборщиков», которые «мучат нашу братью в улусах и разоряют». Особенно страдала от казачьих насилий и грабежей улусная беднота, которой нечем было от них откупиться. «А которые наша братья иноземцы скудные,—писали якуты в своей челобитной в 1690-х годах,—и дать им ясатчикам нечего, и тех скудных они, ясатчики, бьют на правеже без милости, и связанных водят с собой из волости в волость, а ночную порою вяжут тем иноземцам назад руки, нагих, и заворотя руки вешают ко грядкам и стегают плетьюми. А как они ясатчики ездят по улусам, и тех битых иноземцев вяжут на аркан человека по 10 друг за друга и за собою водят...».

Ясак был, однако, не единственной формой эксплуатации якутской улусной массы царизмом. На нее ложились и другие повинности, особенно подводная, которая при якутском бездорожье и больших расстояниях была особенно тяжела.

Страдали якуты и от гнета со стороны русского торгового капитала. «Торговые люди», а часто и те же казаки, привозили с собой в улусы вино и всякий дешевый товар и сбывали его туземцам по дорогой цене за пушнину, нередко в принудительном порядке, «наметывая сильно» свои «малые и худые товары». Путем такой своеобразной торговли те же ясачные сборщики добывали с якутов иногда в несколько раз больше соболей, чем собиралось в ясак.

Якутам все труднее становилось удовлетворять требования воевод, особенно в связи с тем, что их охотничьи угодья подверглись катастрофическому истощению благодаря хищническому промыслу русских искателей счастья, «промышленных людей». Эти последние, судя по цифрам собиравшейся с них «десятинной пошлины», промышленляли во много раз больше соболей, чем это делали якуты. И вот уже в 1649 г. из Якутского острога сообщали, что на ближайших реках якутам негде добывать ясак, так как торговые и промышленные люди «опромышляли» здесь всех соболей. В 1675 же году якутский воевода писал в Москву, что уже и «с дальних заморских рек промышленные люди все вышли в Якутский острог, потому что... на тех реках соболиных промыслов не стало».

Все это приводило к крайне губительным результатам для всего хозяйства края. Его природные богатства быстро истощались. Улусная масса беднела и разорялась. Собирать ясак воеводам становилось все труднее, несмотря на варварские методы его выколачивания. «И в том твоём, великого государя, недоплатном ясаке,—писал воевода Приклонский в Москву в 1682 г.,—те якуты стоят на правеже и в тюрьме сидят, потому что им, за скудостью, твоего, великого государя, ясаку и поминков платить нечем». Цифры ясачного сбора падали из года в год. Средний размер ясачного оклада упал за полстолетия, с 1655 по 1705 г., с 2,53 соболя с человека

до 0,66 соболя. Взамен соболя ясак приходилось собирать менее ценной лисицей, но и ее становилось мало.

Разоряемая масса улусного якутского населения попадала в кабалу к царским служилым людям, к купцам и к своим тойонам. «И многие из нас, сирот ваших,—жаловались якуты в 1660-х годах,—сбывая с себя вашего, великих государей, ясаку и поминков доимку, обнищали и обедняли и в холопство по дворам иззапродались, и в конец погибли и разорились, что было скотишку, то попродали, и детей своих и жен и родников служилым людям потому же иззапродали и иззакабалили в некупные большие долги». «А на которых на нашей братье якутах... ясачная доимка великая,—говорится в другой челобитной,—и те якуты детей своих продают меж себя якутам и служилым людям». И в самом деле, мы находим в документах множество упоминаний о «ясырях» (рабах) у русских казаков и купцов, и если часть этих ясырей была взята «на погроме» (при вооруженных нападениях на туземные улусы), то большая часть оказывается ясырями, купленными у их «родников».

Тойоны же только выигрывали от всей этой системы колониального грабежа. В их руки попадала часть собиравшегося ясака. Нередко воеводы делали тойонов поручителями за малоимущих плательщиков и этим прямо отдавали им последних в кабалу. А еще чаще разоренный якут и без этого попадал в долговую кабалу к своему тойону. Этим самым тойоны приобрели такую экономическую власть над массами улусного населения, которой они ранее не располагали. До царского завоевания тойоны эксплуатировали, главным образом, своих рабов. Теперь они получали больше возможностей эксплуатировать прежних свободных общинников.

Если тойонат, таким образом, с первых лет завоевания, во всяком случае с 1642 г., целиком перешел на службу царизму, то улусная якутская масса, разоряемая и угнетаемая, не могла примириться со своим все более тяжелым и безвыходным положением. После крушения последней попытки широкого и организованного восстания 1642 г., лишенная руководства своих военных вождей—тойонов, передавшихся царизму, улусная масса могла отвечать на колониальный гнет только двумя способами: или отдельными, разрозненными, но активными попытками сопротивления или—в пассивной форме—бегством.

И в самом деле, наши документы содержат в себе множество упоминаний об отдельных, хотя по большей части мелких, фактах вооруженного сопротивления якутов насилиям казаков и подьячих. То один, то другой якут, которого везли в город «для расправного дела» или с которого требовали подводы и т. п., «учинялся силен», «отбивался», «из лука стрелял», «бил и увечил», «ножом резал» служилых людей и т. п. Более крупный факт активного сопротивления известен в 1676 г., когда мелкий тойон Ярканской волости Балтуга Тимиреев со своими «родниками», в количестве 70—80 вооруженных людей, отказался повиноваться царским властям и вступил в бой с довольно крупным высланным против него отрядом. Попытка эта кончилась свирепой расправой над «изменниками». Несмотря на неизбежную неудачу всех подобных изолированных и разрозненных попыток, мысль об активном отпоре угнетателям не исчезала среди якутского населения. В 1690-х годах, в результате ставших невыносимыми вымогательств и насилий, у якутов было «промеж собою положено: самим всем пропасть и русских людей погубить». Для осуществления своих задач в борьбе с насильниками якутам нехватало лишь организованности.

Что касается пассивной формы протеста против гнета—бегства от насилий и эксплуатации, то оно приняло к концу XVII в. катастрофические размеры. В ясачных росписях отмечалось все больше и больше «сошлых» и «несыскных» якутов, о которых тойоны были вынуждены сообщать, «что те якуты родники их сошли в розные в дальние места», «в незнающие места» и т. п. Подсчет имен в таких росписях показывает, что число «сошлых и несыскных якутов» составляло в 1680-х годах от 30 до 70% всего населения волостей.

Разорение и обезлюдение коренных якутских улусов—таков был итог хищнической политики царизма в Якутии в XVII в.

5

С начала XVIII в. Якутия вступает в новый период своей истории. К этому времени ее роль, как поставщицы ценного пушного сырья, была, в результате истощения запасов последнего, уже сыграна. В то же время Якутии выпало на долю стать ближайшим тылом и базой для той завоевательной борьбы, которую царизм вел в течение первой половины XVIII в. на северо-востоке—на Камчатке, Чукотке и Алеутских островах. Через Якутию двигались туда и войска и научно-политические экспедиции (огромные экспедиции Беринга 1726—1743 гг., Биллингса 1785—1793 гг. и др.) со своими грузами. Это означало втягивание Якутского края в систему более тесных экономических и политических связей России. Постоянные и все более возрастающие грузовые перевозки—в Охотск, на Колыму и пр.—несли с собой новое отягощение повинностей якутов, но они же в дальнейшем, когда правительство с 1763 г. ввело систему платных перевозок, послужили новым средством обогащения якутского тойонства, из рядов которого выходили подрядчики, взявшие в свои руки эти перевозки.

В течение XVIII в. шел процесс дальнейшего политического и экономического усиления тойонского класса. Это было связано с политикой царизма, стремившегося через поддержку тойоната и союз с ним окончательно закрепить Якутию, как тыл в своей дальнейшей колониальной экспансии на восток. Царское правительство расширяло судебное-административные права тойонов. Инструкциями 1732 г. и особенно 1752 г. разбор и решение всех судебных дел между якутами, за исключением наиболее крупных, были целиком переданы в руки местных «князцов», с устранением от них русской администрации. В то же время в области ясачного обложения роль тойонов тоже увеличилась, особенно со времени разрешения (1727 г.) уплаты ясака деньгами или мехами по рыночной цене. Это открыло широкие возможности для тойонских спекуляций, и правительство еще более поощряло их, предписав (инструкцией 1731 г.) брать ясак за неимущих якутов с их зажиточных сородичей, с тем, чтобы последние могли сами «с тех скудных людей оной долг выбрать по времени»; тем самым беднота прямо отдавалась в долговую кабалу тойонам.

В этот же период, в первую половину XVIII в., шел и ускоренный процесс концентрации земли в руках тойонов. Последние захватывали общинную землю под свои сенокосы. Часто это делалось под видом «покупки» от сородичей; памятником этого являются сохранившиеся от тех годов «купчие» на землю. Но часто захват тойонами общинных угодий происходил в самой грубой, незамаскированной форме; об этом свидетельствуют отдельные дошедшие до нас жалобы общинников.

Несколько позже, во 2-й половине XVIII в., царское правительство установило фактическое закрепощение улусной массы, введя систему «билетов», или «видов»; ни один якут не мог отныне отлучиться куда-либо из своей «волости» без специального «билета», который ему выдавал князец; в «билете» точно указывались срок, место и цель отлучки. Этим самым вводился режим личного прикрепления улусных якутов к своим тойонам.

Достигнув с помощью царской администрации полновластного положения в своих улусах, сосредоточив в своих руках основную массу земли, владея издавна стадами скота, якутские тойоны к концу XVIII в. образовали собой настоящий класс феодалов. Масса же улусного населения, лишившаяся пользования общинными сенокосными угодьями, политически подчиненная тойонам, превратилась из прежних свободных общинников в закрепощенное крестьянство, хотя форма закрепощения была здесь своеобразной.

В этих условиях основным типом отношений в якутском улусе стала особая форма феодальной эксплуатации тойонами зависимого населения—раздача скота на выпас и прокорм, так называемый «хасаас». Якуты—бедняки и середняки—принуждены были брать на кабальных условиях тойонский скот, давая владельцу большую часть получаемых продуктов (молоко, масло) и отвечая за пропажу или гибель скота. Эту своеобразную форму феодально-крепостнической ренты сами тойоны называли (в одном из документов начала XIX в.) «главнейшим, общим и необходимо нужным» из «взаимных обязательств якутов».

Установившийся таким образом в Якутии феодально-крепостнический по существу, хотя и в своеобразной форме, строй просуществовал в основном, при всех последующих изменениях, до самой революции.

6

С середины XIX в. старый патриархально-натуральный уклад якутского улуса начал изменяться под влиянием развития в России капиталистических отношений. Первым значительным толчком к этому было открытие в 1840-х годах золота на южной окраине Якутии—на рр. Олекме и Витиме.

Появление нового промышленного района на месте прежней глухой тайги оказало сильное влияние на экономику прежде всего ближайшего округа Якутской области—Олекминского. Прииски стали скоро близким и выгодным рынком, куда можно было сбывать мясо, масло, рыбу и сено. Эти товары в большом количестве стали доставляться туда и из Вилюйского и из Якутского, но особенно из Олекминского округа. Сбыт товаров на прииски с годами все возрастал; в 1894 г. туда было доставлено из Якутской области 150 тысяч пудов мяса, 2 700 пудов рыбы и пр., всего на 1 миллион рублей разных товаров.

Для тойонов, особенно олекминских, это означало не только появление нового выгодного извозного промысла, но и товарный выход продукции их хозяйства. Последнее стало быстро перестраиваться. Многие тойоны превратились в крупных предпринимателей; улусная же масса пролетаризировалась, из ее среды вербовались батраки тойонов и ямщики, отвозившие на кабальных условиях тойонские грузы на прииски.

Что касается коренных якутских улусов—Якутского и Вилюйского округов,—то в них старый уклад жизни держался гораздо прочнее, хотя и сюда проникали товарно-денежные отношения.

7

Движение протеста якутских народных масс против лежавшего на них двойного гнета—царского и тойонского—было долгое время сковано путами традиции, патриархальным авторитетом тойонов. Это движение проявлялось лишь в скрытой, глухой борьбе. Когда в эпоху первой русской революции (1905—1906 гг.) оно прорвалось, наконец, открытыми выступлениями, тойоны, пользуясь своим традиционным авторитетом, сумели направить протест народных масс в удобную для них сторону, предъявив правительству ряд требований довольно умеренного характера, смысл которых состоял в установлении независимости тойонской администрации от русской.

Народные якутские массы не получили разрешения своих нужд из-за поражения революции 1905 г., но она дала толчок более смелым их выступлениям. Самый больной вопрос—о земле—выдвигался в эпоху реакции не раз и на местах и в Якутске (конференция 1908 г.), и в 1916 г. на «совещании инородческих представителей» был решен в том смысле, что совещание постановило отменить ненавистную улусным массам «классную систему» землепользования. Но и это постановление фактически не было проведено в жизнь. Только социалистическая революция решила вопрос о земле в интересах трудящихся.

После падения самодержавия в Якутии началась ожесточенная борьба за Советы, продолжавшаяся до 1923 г. Вследствие малочисленности и слабости пролетарской прослойки борьба возглавлявших ее большевиков (бывших политических ссыльных и воспитанной ими молодой якутской организации) против блока эсеров, местной русской буржуазии и якутского тойоната, при чрезвычайной отдаленности от центров советской власти в Сибири и в России, была крайне трудна. Разгром колчаковских банд, ликвидация белогвардейско-тойонских восстаний 1921—1922 гг., разгром пепеляевской авантюры 1923 г.—вся эта героическая эпопея борьбы якутских народных масс, под руководством большевиков, за свое национальное и социальное освобождение составляет славнейшие страницы в истории якутского народа.

Созданная декретом ЦИК РСФСР 27 апреля 1922 г. Якутская Автономная Советская Социалистическая Республика обеспечила возможность свободного социалистического развития якутских народных масс. Широкое колхозное движение, борьба с тойонством и ликвидация этого паразитического класса (1929—1930 гг.), начавшаяся индустриализация Якутии, сопровождающаяся созданием кадров национального пролетариата (Алданский промышленный район и др.),—все это уже привело к невиданному подъему хозяйства и культуры этой прежде отсталой окраины царской России.

Принятие в марте 1937 г. IX Всеякутским съездом Советов Сталинской Конституции было подведением итогов этих великих побед социализма и новым этапом движения Якутской АССР рука об руку с другими братскими республиками Советского Союза к новым победам, вперед к коммунизму.